

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Приводится понятийный и лингвокультурный анализ основных принципов языковой политики англоязычных стран. Рассматриваются понятия самих социолингвистических принципов – модернизации и вестернизации, а также их составляющих: статуса, символов статуса, языковых маркеров статуса, супралокальных ценностей, супралокальной идентификации и взаимопереводимых лексических единиц.

Ключевые слова: языковая политика, лингвокультурная экспансия, модернизация, вестернизация, западоцентризм, языковой империализм, экзоглоссия, субтрактивный билингвизм.

Борьба национально-мировоззренческих и социально-политических систем, которой была отмечена большая часть XX в., имела важную культурно-идеологическую составляющую. Внутри нее особо выделяется языковая политика и использование языка как важнейшего инструмента выстраивания дискурса. Со второй половины XX в. важной задачей социолингвистики на Западе стало изучение языка и дискурса разных национальностей, этносов, классов и социальных слоев (У. Лабов, Дж. Фишман, Б. Бернстайн и др.), а также активное вмешательство в происходящие лингвокультурные процессы. Осуществлялось это как в отношении собственно стран, так и в отношении народов мира, для которых разрабатывалась специальная языковая (точнее, лингвокультурная) политика. Главной ее целью являлась работа с национально-культурным и языковым материалом, с тем чтобы, в конечном счете, соединить его с либерально-буржуазными концептами при доминировании последних. Результатом такой политики стали деконструкция означаемых языка (понятийных, ценностных и символических структур сознания), противоречащих целям западной элиты, переформатирование дискурсов по выгодному для этой элиты лекалу и выстраивание единой (глобальной) языковой картины мира.

В конце 1970-х гг. советский социолингвист А. Д. Швейцер, описывая цели Запада в языковом и культурном планировании развивающихся стран, говорил, со ссылкой на американского социолингвиста Джошуа Фишмана¹, о двух желательных тенденциях – модернизации и «вестернизации» национальных культур и языков.

Модернизация во внеязыковой сфере означает «популяризацию национального единства, доступность социальной мобильности,

быстрое распространение инноваций и символов статуса. Что касается языка, то здесь модернизация означает все более широкое распространение литературного стандарта национального языка, большую доступность всех его сфер, ускоренное распространение языковых инноваций и маркеров статуса».

«Вестернизация» – развитие по западной модели – во внеязыковой сфере означает усиление тенденции к распространению супралокальных ценностей и супралокальной идентификации. При этом материальная форма реализации этой тенденции заимствуется «из предсказуемых (читай: западных) источников». В области языка «вестернизация» предусматривает еще более далеко идущие изменения, чем модернизация: изменение письменности, перестройку традиционных форм вежливости и – в области лексики – развитие системы лексических единиц, взаимопереводимых по отношению к «престижным» (читай: западноевропейским) языкам. При этом, отмечает Швейцер, «вестернизация» умышленно преподносится как неизбежный и логический процесс развития и модернизации языков в развивающихся странах, исключая возможность их эволюции независимо от западноевропейских языков.

Остановимся на основных аспектах указанных направлений языковой политики западных стран.

Модернизация: символы и маркеры статуса

Вообще модернизация в аспекте языкознания определяется как расширение средств языка (лексических, морфолого-синтаксических, графических), с тем чтобы последний мог выполнять дополнительные функции², обслуживая меняющиеся условия жизнедеятельности и коммуникации людей.

Важной частью модернизации называется статус, который упоминается в связи с широким и ускоренным распространением его символов и языковых маркеров. Остановимся на этом понятии подробнее. В отношении языкового планирования термин «статус» имеет два основных употребления.

С одной стороны, это доминирующее положение одного языка по отношению к другому (-им), которое зависит от ряда факторов: его исконность или привнесённость извне; закрепление его письменной формы в качестве литературного стандарта, придание ему высокого юридического статуса, витальность, то есть высокий процент владения языком по отношению к общему числу населения³. Планирование языкового статуса тесно связано с разработкой корпуса языка, предполагающей изменения в его лексике (прежде всего), но также и в его грамматической структуре, алфавите и орфографии. Наряду с политическими действиями, закрепляющими функционирование языка за высокими и повседневными сферами общения, разработка корпуса языка является важнейшим механизмом по формированию его статуса. Немаловажными в этом отношении являются и кодификация (стандартизация), культивирование нового языка, мероприятия, направленные на его усвоение⁴.

С другой стороны, статус при обсуждении языкового планирования часто употребляется и в социологическом понимании, как позиция (положение) человека в группе или обществе, а также сопутствующие ему социальные роли, права и обязанности, которые по традиции общество закрепляет за данной позицией⁵. Следует отметить, что понятие статуса в западной социологии традиционно связывается не столько с социальным отличием (как, скажем в СССР: рабочие, крестьяне, интеллигенция), сколько с социальным неравенством⁶. Таким образом, постулируя необходимость создания и закрепления символов и маркеров статуса в странах-реципиентах культурно-языковой политики, в определенном смысле имеют в виду кодификацию неравенства, проведение при помощи символов и языковых знаков демаркационных линий между группами (классами, социальными слоями), владеющими статусным, престижным языком, располагающими символическими атрибутами статуса и его речевыми маркерами, и не владеющими им, не располагающими ими. Первые имеют больше прав и возможностей в конструируемом «мо-

дернизированном» мире. Также очевидно, что Дж. Фишман предполагает закрепление в местных культурах и языках западных языковых форм и значений как носителей высокого, престижного статуса и соответственно, повышение статуса местной прозападной интеллигенции, выступающей проводниками «модернизации» традиционных культур. По Фишману, вербальный репертуар традиционного общества ограничен: а) рамками имеющегося в этом обществе опыта; б) доступом к тем или иным социальным ролям; в) структурной расчлененностью (compartmentalization)⁷. Кодификация с опорой на местный материал языковых значений, выражающих «прогрессивные» (читай – западные) политические, правовые, культурно-идеологические понятия, помогла бы преодолеть косность местных элит, потеснив «устаревшие» языковые нормы и культурные символы и создав новые. Такой подход опирается на убежденность в том, что «через языки колониальных держав в колониях распространяются технические, политические и социальные изменения, и именно через эти языки местное население может вырваться из традиционного туземного общества»⁸.

Поскольку планирование языкового статуса неотъемлемо от культурного планирования, Дж. Фишман артикулирует также подход западной социолингвистики к культурному материалу модернизируемых стран. Как отмечает ученый, модернизация предполагает выбор из наследия исконных культур героев, образцов литературы, исторических событий, и даже эмоций, которые могли бы служить в качестве общенациональных скреп, которые сплотили бы разрозненные группы в статусе (новой) национальности. Также предполагается создание нового наименования для формируемой общности людей, конструирование ее «новой миссии», создание новых школ, заводов, жилищ и даже нового повседневного меню. При этом неважно, что языковые изменения делают поведение людей отличным от поведения их предков, важно, что они конструируют для них новую идентичность, создают новые элиты и новые массы, органично связанные между собой новыми узлами⁹. Разумным бывает такой подход, когда дискурс, основанный на более древнем и исконном национально-культурном материале используется для борьбы с современными модернизации национальными элитами. Модернизаторы стремятся «мобилизовать под своим контролем все население, а сам процесс моби-

лизации и разрыва связей со старыми властями и традициями можно проводить в союзе с соперниками властной элиты при использовании исконно-национальных символов или других символов, которые могли бы вызвать эмоциональный отклик», – пишет Фишман со ссылкой на Deutsch, K. W. Nationalism and social communication и Wriggins, W. H. impediments to unity in new nations: the case of Ceylon¹⁰. Сами действия по созданию новой самоидентификации и перераспределению власти, которые сопровождает языковое планирование, сплотят новые элиты и массы в их оппозиции старым, консервативным элитам и массам¹¹.

Теперь рассмотрим более специфическое понятие, упоминаемое Дж. Фишманом – «символ статуса». В узком смысле, символами статуса выступают звания, награды, знаки отличия, атрибуты. В широком смысле символом статуса является любой предмет окружающего мира, интерпретируемый сквозь призму социальной иерархии; это любой денотат, сигнализирующий о месте его обладателя, члена, обитателя и др. на иерархической лестнице. Таким денотатом может быть и язык как таковой, и объекты и понятия разных социальных и профессиональных сфер (юридической, медицинской, компьютерной, научной, телекоммуникационной и др.). На Западе особо распространено понимание символа статуса как предмета престижного, или демонстративного, потребления («conspicuous consumption» в терминологии Т. Веблена): автомобиль, яхта, одежда «от кутюр», недвижимость высокого класса, обучение в привилегированных учебных заведениях, проживание в фешенебельных районах и т. п.

Следует отметить, что в определении культурно-языковой политики англоязычных стран по отношению к другим странам имеются в виду именно буржуазные символы статуса, то есть символы, обозначающие достаток, личный успех, предприимчивость, престижное потребление и т. п. По мере того, как английский язык и англоязычный культурно-идеологический дискурс проникает в медийную, образовательную, культурную, повседневную сферы коммуникации, они навязываются обществу, где ранее основополагающими являлись традиционные символы, связанные с патриотизмом, общественным благом, военной доблестью и т. п. Например, канадский социолингвист К. Велтман отмечает тот факт, что франкофонное население Квебека отошло от религиозных

предписаний католической церкви и восприняло ранее несвойственные ему конsumerистские ценности и символы статуса, характерные для англофонной Северной Америки. Ученый связывает сей факт, в том числе, с языковой ситуацией в Квебеке, где английский язык длительное время доминировал в большинстве престижных общественных сфер¹².

Наконец, остановимся на понятии «языковых маркеров статуса» как составной части модернизации, то есть языковых форм, связываемых с теми или иными социальными группами и различающихся благодаря различию языков, на которых говорят члены социума, языкового употребления, принятого в их среде коммуникации, а также дискурсов, которые их окружают в повседневной жизни. Следует отметить, то языковые маркеры статуса часто связываются западными исследователями с различиями классов и социальных страт и квалифицируются как более и менее интеллектуальные и, соответственно, престижные¹³.

Что касается языковых маркеров в условиях многоязычия бывших колоний, то здесь отличие наблюдается в статусном распределении местных языков и языка колонизатора. Так, в Кении социально маркированы все сорок с лишним существующих там языков: племенные языки связываются с традиционными ценностями и отсутствием модернизации и / или образования, они маркируют статус крестьян и сельских жителей; суахили является национальным языком и местным лингва-франка для социальных и коммерческих связей, он является социальным маркером городских жителей, мелких торговцев, рабочих; английский является официальным языком на всех уровнях образования, используется в государственном управлении и международной торговле, он социально маркирует государственных служащих, профессионалов и работников высоких должностей, является языком престижа и вертикальной мобильности¹⁴. Использование английского языка «маркирует образованность и современность взглядов» кенийцев, а их компетенция в английском и стиль общения на нем говорит об уровне образования (начальная, средняя, высшая школа)¹⁵. А. М. и А. А. Мазруи отмечают, что в Уганде развитые традиционные элиты первыми овладели английским языком, что укрепило ранее существовавшую социальную иерархию, в Кении же факт овладения английским языком городским и сельским населением способствовал созданию

новой элиты в противоположность традиционной. В обоих случаях английский язык стал маркировать высшие классы¹⁶. Адама Уан констатирует в большинстве британских колоний сохранение экзоглоссии – использования языка бывшего колонизатора в качестве государственного и официального языка – и связывает это с влиянием на элиту эпохи колониального режима, когда существовали неравенство и языковое угнетение¹⁷. Как видим, английский язык, культивируемый в бывших колониях, отнюдь не явился средством устранения социального неравенства, но, напротив, лишь углубил его, сделав к тому же элиты не национальными, компрадорскими по своей сути.

Таким образом, помимо просветительских целей, важной целью модернизации как составной части языковой политики англосаксонского языкового сообщества в бывших колониях и доминионах было такое изменение статуса коренных языков, которое сохраняло бы языковое (и классовое) неравенство и закрепляло бы лингвокультурное (и экономическое) доминирование бывших колонизаторов. В этом отличие западного языкового планирования от языкового строительства в СССР, обусловившего позитивные изменения функционального статуса бытовавших в нем языков¹⁸.

Вестернизация: супралокальные ценности, супралокальная идентификация; изменение этикетных форм; взаимопереводимый корпус слов

Второй важной целью западной лингвокультурной политики в мире является вестернизация – заимствование странами-реципиентами англо-американских или западноевропейских стандартов в областях экономики, политики, образования и культуры, а также в повседневном образе жизни. Во внеязыковых сферах важнейшими составляющими вестернизации, согласно Дж. Фишману, является внедрение супралокальных ценностей и, в конечном счете, формирование супралокальной идентификации наций-субъектов лингвокультурной политики.

Если бы тезис о супралокальных ценностях и идентификации не был откровенно включен в контекст вестернизации, он мог бы восприниматься как отражение распространенной в определенных западных кругах теории конвергенции, сближения разных систем, создания новых форм социально-экономической и культурной жизни, в которых бы в концентрированном виде могло найти свое выражение

то лучшее, что имеется в социализме и капитализме (и в этом смысле он перекликался бы с «общечеловеческими ценностями» времен «перестройки» в СССР)¹⁹. В статье же Фишмана природа супралокальных ценностей и идентификации обозначена недвусмысленно: как части вестернизации. Однако, поскольку идея неких общих для человечества ценностей (якобы воплощенных на Западе в наиболее прогрессивном виде) в мире популярна, есть смысл рассмотреть эти понятия подробнее.

Сам Дж. Фишман не расшифровывает понятия супралокальных ценностей, но попытки выделить некие общие для человечества ценности были. Вероятно, этот термин должен обозначать некие общие наднациональные ценности, которые предполагают признание их всем человечеством в качестве безусловных, которые запечатлены в большинстве мировых религий и могли бы быть ранжированы большинством людей земли как наивысшие. Однако имея большой объем и малое содержание, это понятие является очень нечетким²⁰.

Даже беглый взгляд на предлагаемые системы таких ценностей представителями разных культур и идеологий обнаруживает существенную разницу. Например, российские исследователи В. И. Ефимов и В. М. Таланов выделяют три типа общечеловеческих ценностей: на уровне личности, для человечества в целом и общие социальные ценности²¹. В первую группу входят истина, красота, справедливость, счастье. В работах К. Б. Соколова и А. А. Радугина²² представлена следующая классификация духовных ценностей: смысложизненные (представления о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни); универсальные (витальные, ценности общественного признания, межличностного общения, демократические); партикулярные (привязанность к малой родине, семье). Авторы энциклопедии «Социология»²³ называют в качестве духовных общечеловеческих ценностей жизнь, творчество, красоту, истину, справедливость, смысл жизни, добро, долг, ответственность, честь, достоинство, веру, свободу, равенство. «Традиционными» общечеловеческими ценностями, в советском понимании, считались семья, любимая работа на благо общества, отечество и народ, гуманистическая мораль, мир и добрососедские отношения с другими странами и т. п.

Ценности, провозглашаемые основанными на западе глобалистскими структурами, существенно отличаются от приведенных выше.

Так, ресурс <http://www.globalvalues.org/> перечисляет в качестве «глобальных ценностей» такие, как единство в разнообразии (unity in diversity), единение (community), жизнь, свободу и демократию, взаимосвязь, экологическую рациональность (sustainability), креативность, расширение полномочий (enhancement), свободу выбора, целостность (integrity, также переводится как «последовательность в действиях», «верность себе»). Международная ассоциация человеческих ценностей (International Association for Human Values (IAHV)) называет в качестве «универсальных» ценностей уважение, толерантность, принятие, щедрость, заботу о ближнем и планете, мир, достоинство, чувство единения, целостность (integrity) и любовь (www.iahv.org.uk). Ресурс Universe Spirit предлагает считать такими ценностями индивидуальную ответственность, принцип «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой», уважение к жизни, экономическую и социальную справедливость, благоприятный для природы образ жизни (nature-friendly ways of life), честность, умеренность, свободу, толерантность (<http://www.universespirit.org>).

Обратимся к трактовке базовых ценностей психологами и теоретиками межкультурной коммуникации Ш. Шварцем и В. Билски²⁴. Основные человеческие ценности систематизируются в соответствии с 10 мотивационными критериями (традиционализм, конформ-

ность, безопасность, доброжелательность, универсализм, власть, достижения, гедонизм, стимуляция и саморегуляция). Сам набор ценностей формулируется в результате синтеза ценностных моделей Ч. Морриса, П. Демпси и У. Ф. Дьюкса, Р. Х. Киллмана, М. Рокича, Д. Маклилланда (рисунок).

При сопоставлении объема базовых ценностей Шварца и Билски с набором ценностей, приводимых глобалистскими ресурсами, легко заметить, что в последних не охватывается параметр консерватизма, не учитываются мотивации традиции, конформности и безопасности (семья, национальная безопасность, уважение к традициям своего народа, принятие своего места в жизни и др.). Но именно эти мотивации являются наиболее естественными при формулировании ценностей, а также решающими для физического и этнокультурного воспроизводства человеческого рода. Сами по себе, в отрыве от традиции, универсалистские ценности и ценности саморазвития не способствуют достижению этой цели.

Примечательна также избирательность перечисленных универсалистских ценностей и ценностей саморазвития: среди них отсутствуют такие, как смысл жизни, равенство, мудрость, духовность, выбор собственных целей, дерзание. Кроме того, нельзя не отметить, особенно в последнем из трех аксиологических рядов, акцентирование утилитарных, прагма-

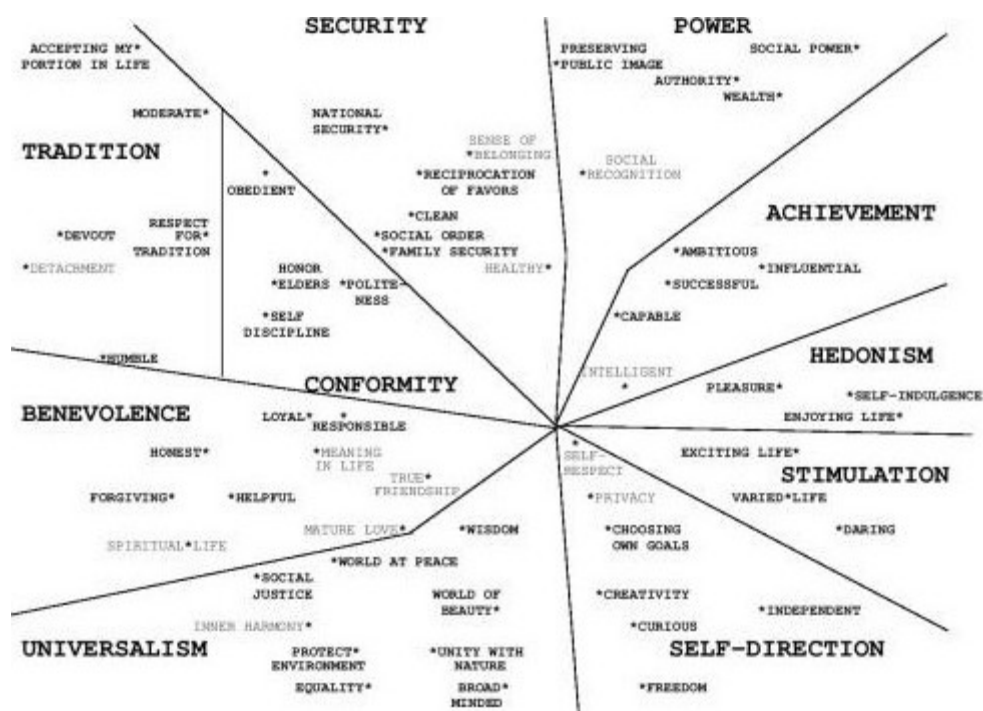

Схема Ш. Шварца, отражающая многомерное шкалирование базовых ценностей на основе усредненных данных по 68 странам мира

тических и либерально-индивидуалистских ценностей, отражающих протестантское (атлантистское, капиталистическое) мировоззрение. Это согласуется с мнением В. Г. Соколенко, что «синтез мондиалистской идеи с реалиями глобальной интеграции осуществляется на основе ценностей атлантической цивилизации, занявшей <...> лидирующее положение в цивилизационном спектре»²⁵.

Если же произвести контекстуальный анализ приведенных ценностей, то оказывается, что в них имеет место своеобразная подмена понятий, сопровождаемая глобалистским «новоязом», оруэлловским *doublespeak*. Так, под видом «взаимосвязи» подается идея укрепления наднациональных связей и ослабления связующих общество традиций и институтов, делегирование управления неким наднациональным структурам; под видом «единства» – примирение с фактом существования угнетаемых стран (неоколоний) и стран управляющего центра; под видом защиты окружающей среды – контроль над природными ресурсами других стран²⁶; под видом «расширения полномочий» и «свободы выбора» – приоритет индивидуальных свобод и интересов перед традиционными устоями и национальными нуждами; под видом «толерантности» – обязательство большинства, приверженного традиционным этическим, культурным, поведенческим и иным нормам, терпимо сносить нарушения этих норм, размывание границ между нравственной и социальной нормой и отклонением; вместо честности и стремления к истине – «целостность», верность себе, соответствие действий человека его принципам, даже если эти принципы, с традиционной точки зрения, аморальны²⁷. Таким образом, в приведенных аксиологических рядах просматриваются доминанты, отражающие цели и интересы глобальных элит.

Итак, понятие «супралокальных» («общечеловеческих») ценностей является крайне нечетким и может быть (и, собственно, является) предметом манипуляции в интересах определенных групп. То же самое касается и понятия «супралокальной» идентичности.

Рассмотрим некоторые инструменты привития народам-реципиентам так называемых супралокальных ценностей и супралокальной идентичности.

Первым из них является культурная экспансия, осуществляемая за счет массивного притока переведенной с английского языка

газетно-публицистической, художественной и культурной продукции, которая заполняет национальное культурно-идеологическое пространство мемами²⁸ англосаксонской культуры. В результате исконные лингвокультурные и ценностно-символические феномены вытесняются на периферию (маргинализируются) и архаизируются.

Помимо интенсивного просвещения в области более или менее высоких образцов западной культуры, большое значение придается насаждению квази-культурных образцов, массовому производству шаблонной продукции низкого качества и духовного содержания, разработке соответствующих «культурных» и медийных проектов. Особое значение имеют разработки симулякров по западному шаблону, но на исконном культурном материале – как правило, более примитивных, жестких, губительных для национального самосознания народов-реципиентов²⁹. В русле культурной экспансии можно рассматривать также коммерческую рекламу и молодежные субкультуры, воспитывающие вкусы и привычки населения.

Все перечисленное приводит к расшатыванию прежних ценностных понятий, деконструкции системы исконных ценностей, к тому, что А. Д. Васильев назвал аксиологической реполяризацией, или реполяризацией этических ценностей, когда рубрики аксиологической шкалы смещены или затушеваны настолько, что почти перестают осуществлять функции ориентиров³⁰. По большому счету, инокультурная экспансия влечет за собой утрату народами глубинного понимания смыслов предшествующих поколений и исторических периодов, соответственно, деструкцию национально-специфического образа мира (и его последующую реконструкцию с западной доминантой). В терминах знаменитого социолингвиста Р. Филлипсона, рассматривающего феномены лингвистического империализма и лингвокультурной гегемонии, происходит смена исконных космологий и соответствующих эпистемологий (а также аксиологий – Е.Ш.) на монокультурную одноязычную англосаксонскую модель, центральной идеей которой является экономическая эффективность³¹.

Второй инструмент привития супралокальных ценностей и идентичности – дискурсивная экспансия. Кроме собственно концептуального материала, внедряются унифицированные, монокультурные дискурсы и соответствующие стили мышления, коммуникации, поведения.

Дискурсивная экспансия сопровождается внедрением форм организации деятельности, принятых в «развитых западных странах» (либерально-буржуазных демократиях). Например, с приходом на местные рынки транснациональных корпораций, появился новый «рыночный» вариант социолекта, основанного на глобальном дискурсе ТНК. Дискурсы, регистры и стили речи, принятые в местных представительствах ТНК, так называемых «практикующих группах» (*community of practice (CoP)*), владеющих ноу-хау коммерческой коммуникации, влияют на речь местного населения. Фактически, «практикующие группы» приписывают новые символические значения лингвистическому материалу местных языков³². Дискурсивные практики этих групп, как следует из автореферата А. П. Махаджана, привносят в обыденное общение модели отношений продавца и клиента: общение по типу просвещения и убеждения собеседников в стиле продавца продукта (услуги, информации); партнерские отношения с людьми по принципу равноценного обмена; построение межличностных связей на основе принципов корпоративной культуры; стремление к управлению людьми. Этот новый тип социолекта, основанного на «продвинутом» наднациональном коммерциализированном дискурсе, связывает те группы местного населения, которые готовы взаимодействовать в таком духе, и отторгает, дискриминирует те группы, которые предпочитают традиционные формы общения.

Такого рода «глобализация дискурсов», точнее, их вестернизация, происходит не только в экономике услуг, но и практически во всех социальных сферах: в образовании, здравоохранении, судебной-правовой системе³³ и др. Закрепляется же такое положение вещей с помощью наднациональных институтов, через которые осуществляется контроль за соблюдением западных предписаний.

Третьим инструментом привития супралюкальных ценностей и идентичности является утверждение английского языка в качестве важнейшего средства коммуникации, «мирового», «всемирного», «глобального» языка, *Globish* (последний термин был введен Ж.-П. Нерьером). В отношении инструментальности английского языка для вестернизации и глобализации можно выделить несколько аспектов: а) его проникновение в качестве *lingua franca* во все сферы общественной деятельности: экономическую, научно-техническую, культурную, академиче-

скую и др.; б) повсеместное распространения обучения английскому языку, пропаганда его престижности, искусственное создание субтрактивной диглосии; в) интенсивное распространение ментефактов на английском языке через СМИ; г) агрессивная политика языковой экспансии и гегемонии³⁴. Здесь уместна аналогия с американской и, ранее, британской валютами, являющимися, по существу, всеобщим эквивалентом мирового товарного обмена. Точно так же, как эти валюты становятся самыми надежными, «твердыми» не сами по себе, а за счет разворота всей мировой финансовой системы в сторону англосаксонских банковских центров, параллельно с созданием нестабильности в странах и регионах с иными валютами и подчинения региональных экономик единому центру, английский язык становится всеобщим кодом международного общения и своеобразным «пропуском в цивилизованный мир» не сам по себе, а благодаря планированию и созданию соответствующих условий. Объем данной статьи не позволяет нам раскрыть роль английского языка в процессах вестернизации, этому вопросу будет посвящена отдельная работа.

Остановимся на еще одном аспекте языковой политики – разработке корпуса лексических единиц в языках-реципиентах. Согласно Ч. Фергюсону, важнейшей целью языковой модернизации является взаимопереводимость языка-реципиента с/на другие языки, отражающая его способность охватывать тематику и формы дискурса, свойственные промышленно развитым, секуляризованным и структурно дифференцированным современным обществам³⁵. Сама по себе идея планирования взаимопереводимого корпуса слов на разных языках является здоровой, особенно если учесть возможности автоматического перевода, значительно облегчающего коммуникацию. Вместе с тем, нельзя не отметить, что искусственное стимулирование супранационального, унифицированного использования имен и понятий, насаждение слов, лишенных истории, лингвокультурного компонента значения, а также архаизация и маргинализация традиционных номинаций и речевых форм таят в себе опасность значительного обеднения языка-реципиента, выхолащивания в нем того, что В. фон Гумбольдт назвал «духом народа». Еще большую опасность представляет тот факт, что заимствование слов при составлении корпуса, по-существу, совершается лишь в одном на-

правлении: наблюдается лексическое донорство английского языка и пассивное принятие лексики языком-реципиентом, но не наоборот. Это значит, что язык-донор доминирует над языком-реципиентом, лингвисты отбирают понятия (концепты), разрабатывают курсы и дискурсивные практики, исходя из западоцентристских установок. А понятия, обозначенные именами, лишены внутренней формы, регулярно используются в определенных контекстах для выстраивания западной понятийной картины мира, точнее, идеологием западной элиты. Поэтому при планировании корпуса слов важными требованиями должны быть демократичность, разнонаправленность заимствования, а также сохранение национальной, культурной и языковой идентичности народов.

Примечания

¹ Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику : учеб. пособие / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. М., 1978.

² Towards a multilingual culture of education / ed. by Adame Ouane. Hamburg, 2004. P. 17.

³ См.: Kloss, H. Abstand languages and Ausbau languages. *Anthropological Linguistics* 9 (7). Pp. 29–41, 1967; Stewart, W. A. Sociolinguistic Typology of Multilingualism // *Readings in the Sociology of Language* / ed. by Joshua Fishman. Hague, 1968.

⁴ Fishman, J. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning // *Language in society*. 1974. Vol. 2, № 1. Pp. 79–102.

⁵ Кравченко, А. И. *Социология : учеб. для вузов*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 19.

⁶ В этом смысле характерно определение Г. Мейна, введшего в научный оборот термин «социальный статус»: «Социальный статус – <...> место индивида в иерархически организованной общественной структуре, его объективная позиция в нем; неисчерпаемый человеческий ресурс, дающий человеку возможность влиять на общество и получать посредством него привилегированные позиции в системе власти и распределения материальных благ».

⁷ Fishman, J. *Language modernization...* P. 87.

⁸ Там же. P. 85.

⁹ Там же. P. 91.

¹⁰ Deutsch, K. W. *Nationalism and social communication*. M.I.T. Press, 1966; Wriggins, W. H. *Impediments to unity in new nations: the case of*

Ceylon // *American Political Science Rev.* 1961. № 55. P. 313–320.

¹¹ Fishman, J. *Language modernization...* P. 94.

¹² Veltman, C. *The English language in Quebec, 1940–1990* // J. Fishman, A. Conrad, & A. Rubal-Lopez (Eds.). *The status of post-imperial English: Status Changes in Former British and American Colonies, 1940–1990*. Hague, 1996. P. 212.

¹³ В этом отношении характерна концепция Б. Бернштейна, который в своем исследовании 1968 г. постулировал наличие двух речевых кодов – развернутого как средства самовыражения и межличностного общения и ограниченного, ориентированного на поддержание социального контакта. Первый предполагает меньшую степень предсказуемости и наличие более сложных синтаксически построений, тогда как второй – высокую степень предсказуемости и широкое использование элементарных синтаксических структур. Бернштейн увязывает развернутый код с языком среднего класса, а ограниченный код – с языком рабочего класса. Языковые коды/маркеры социального статуса в западной интерпретации, таким образом, органически связаны с классовыми и социальными различиями в капиталистическом обществе, а соответствующие теории абсолютизируют эти различия. А. Д. Швейцер, который одним из первых посвятил ряд работ различию языка социальных групп на Западе, отмечает неправомочность вывода Бернштейна о невозможности самовыражения и межличностного общения с помощью «пролетарского» кода (взять великолепный сочный язык пролетарских писателей Дж. Брейна, А. Силитоу, С. Чаплина, Дж. Стейнбека – Е.Ш.), а также его постулата о классовой обусловленности владения или невладения носителями языка тем или иным «коммуникативным кодом». Обнаруживаемые Бернштейном расхождения соотносятся с социальной структурой не непосредственно, а *через посредство речевой ситуации*, то есть через систему функционально распределенных форм существования языка, соотношенных с континуумом языковой коммуникации (определение Л. Б. Никольского). «В резко стратифицированном буржуазном обществе существуют значительные расхождения в самом наборе речевых ситуаций, доступных тем или иным социальным слоям. <...> Игнорирование опосредствующего звена при изучении связей между социальной структурой и языком явно искажает данные анализа. Так методологическая ошибка сказывается

на результатах эмпирического исследования». Вместе с тем, Швейцер критикует и узость методологического подхода, ориентированного на теорию малых групп Дж. Гамперца. «Едва ли можно ставить знак равенства между влиянием так называемых “референтных групп” и мощным воздействием национальной нормы через такие каналы, как система образования и средства массовой коммуникации», – поясняет он. Согласно Швейцеру и Л. Б. Никольскому, наиболее верным является подход, учитывающий ситуационную вариативность коммуникации, поскольку именно набор речевых ситуаций, с которыми сталкивается человек в своей жизни, и определяет его речевую компетенцию. Понятие же речевой ситуации предполагает взгляд на язык как социально управляемый процесс. При этом в эгалитарном СССР признавалась та закономерность, что «экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка», а цель языковой эволюции виделась в создании на основе литературного языка качественно нового языка, единого для всех социальных слоев, объединяемых в новом коллективе носителей.

¹⁴ Kioko, A. N., Muthwii, M. J. English variety for the public domain in Kenya: Speakers' attitudes and views // *Language, Culture and Curriculum*. 2003.16 (2). Pp. 130–145.

¹⁵ Abdulaziz, M. H. East Africa (Tanzania and Kenya) // *English around the World Sociolinguistic Perspectives* / Ed. by Jenny Cheshire. Cambridge, 1991. Pp. 389–401.

¹⁶ Mazrui, A. A. A Tale of Two Englishes: The Imperial Language in Post-colonial Kenya and Uganda / A. A. Mazrui and A. A. Mazrui A // J. Fishman, A. Conrad, & A. Rubal-Lopez (Eds.). *The status of post-imperial English: Status Changes in Former British and American Colonies, 1940–1990*. Hague, 1996. P. 277.

¹⁷ Ouane, A. Introduction: the view from inside the linguistic jail // *Towards a multilingual culture of education* / ed. by Adama Ouane. Hamburg, 2004. Pp. 12.

¹⁸ Языковое строительство предполагало создание письменности, орфографии, словарей, терминологии, учебных пособий языков национальностей и народностей, теоретические исследования по ним. Оно сопровождалось введением национальных языков в систему образования, открытием национальных школ, вузов и факультетов; стимулированием национальной литературы, культуры; изданием книг,

газет на этих языках, введением их в массовую коммуникацию; коренизацией (укоренением) администрирования и делопроизводства на национальных языках, широким вовлечением в административную деятельность местного населения, освоением русским населением национальных республик местных языков – то есть закреплением национальных языков в качестве ведущих в тех или иных республиках и округах.

¹⁹ См.: Гэлбрейт, Дж. К. *Экономические теории и цели общества*. М., 1976. 408 с.

²⁰ Впрочем, нельзя не отметить, что во внутренней форме слова «супралокальные» есть то, что это понятие, по-видимому, исключает: патриотизм, приоритетную заботу об интересах своей страны и народа.

²¹ URL: http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/49/yef_tal.htm

²² Соколов, К. Б. *Социальная эффективность художественной культуры: Процессы распространения и освоения художественных ценностей*. М., 1990; Радугин, А. А. *Социология: курс лекций* / А. А. Радугин, К. А. Радугин. М., 1999.

²³ *Социология: энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск, 2003.

²⁴ Bilsky, W. On the content and structure of values: Universals or methodological artefacts? [Электронный ресурс] / W. Bilsky, M. Koch // J. Blasius, J. Hox, E. deLeeuw & P. Schmidt (Eds.). *Social science methodology in the New Millennium... the Fifth International Conference on Logic and Methodology*, October 3–6, 2000. Cologne, Germany. Leverkusen, 2002. URL: miami.uni-muenster.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-1802/Bilsky_Koch.pdf; Bilsky, W. Values and personality / W. Bilsky, S. Schwartz. *European J. of Personality*. 1994. № 8. Pp. 163–181; Schwartz, S. H. Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. *Revue française de sociologie*. 2006. 42. Pp. 249–288.

²⁵ Соколенко, В. Г. Становление системы глобального управления (Global management system, G.M.S.) [Электронный ресурс] // *Обозреватель*. 1999. № 4. С. 66–72. URL: http://www.rau.su/observer/N04_99/4_12.HTM.

²⁶ Для такого вывода имеются все основания, например, есть данные о присвоении глобальной элитой под предлогом экологической охраны огромных участков территории других

стран с выселением с них людей, например, <http://www.fondsk.ru/news/2012/12/02/millioner-tompkins-operator-imperii-ssha-v-patagonii.html>.

²⁷ Например, верность себе, «целостность», считала одной из высших добродетелей такая неоднозначная фигура в истории философской мысли, как Айн Рэнд; эту черту характера приводил в свое оправдание серийный убийца Том Банди [Zuckert, Zuckert 2006]. *Integrity является основным принципом в англосаксонской традиции так называемых «состязательных процессов» и высшим критерием при вынесении приговора.*

²⁸ Понятие «мем», введенное Р. Докинзом и разрабатываемое Д. Рашкоффом, означает единицу культурной информации, распространяемой от одного человека к другому посредством имитации, научения и др.

²⁹ Российский кинопрокат пестрит такими симулякрами. Их важной целью является деконструкция ценностных понятий и стереотипов. Характерный эпизод в одном из них: старушка слышит в подъезде шум, подходит к подъезду, прислоняет ухо к двери, а в это время двое борющихся скатываются по лестнице и распахивают дверь. Старушка изображена умершей в позе подслушивания, что призвано вызвать гадливое и злорадное чувство у зрителя.

³⁰ Васильев, А. Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, Наука, 2000.

³¹ Phillipson, R. *Rights to Language: Equity, power, and education.* Mahwah, NJ Lawrence, 2000. Мы полагаем, что не в меньшей степени ве-

стернизацию было бы оправданно назвать капиталоцентризмом, поскольку в англоязычной протестантской культуре капиталистические ценности стали основополагающими, перешли из разряда характеристик, сопровождающих экономический строй, в устойчивые структуры менталитета. Факт слияния вестернизации и капиталоцентризма подтверждают и социолингвисты, говоря о специфических функциях английского языка. Р. Филлипсон считает, что имеется много данных в пользу того, что английский язык является краеугольным камнем глобальной капиталистической системы. Дж. Фишман пишет: «Английский язык <...> приходит, неся с собой капитализм, демократию, молодость, культуру и современные технологии».

³² Mahajan, A. P. *Discourse Variation as a Symbolic Resource: Globalization, Indian Outsourcing Firms, and the Construction of Business Identity.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.ling.upenn.edu/nwav/abstracts/nwav36_mahajan.pdf.

³³ Достаточно упомянуть тот факт, что конституции постсоветских государств писались заокеанскими советниками, их неисконный, переводной характер обнаруживает простой текстологический анализ.

³⁴ Например, прямое заявление британского министра иностранных дел в мае 1990 г. о том, что цель Британии – сделать так, чтобы английский язык вытеснил русский язык в качестве второго языка в Восточной Европе.

³⁵ Ferguson, Ch. *Language structure and language use.* Stanford, 1971.